

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ТВОРЧЕСТВО С. КЬЕРКЕГОРА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОБРАЗА ИОВА МНОГОСТРАДАЛЬНОГО В «ПОВТОРЕНИИ» И «ЧЕТЫРЕХ НАЗИДАТЕЛЬНЫХ БЕСЕДАХ» 1843 ГОДА

Н. В. Фаустова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 10 января 2021 г.

Аннотация: *в статье поднимается проблема неоднородности творчества С. Кьеркегора. Мыслитель подразделял свои сочинения на эстетические и религиозные и объяснял, что они были призваны выполнять разные задачи, а различие высказанных в них точек зрения имело определенный смысл. На основе сравнительного анализа образа Иова Многострадального в «Повторении» и «Четырех назидательных беседах» 1843 г. статья знакомит читателя с особенностями эстетической и религиозной линий авторства С. Кьеркегора.*

Ключевые слова: *эстетическое авторство, религиозное авторство, сравнительный анализ, перспективизм.*

Abstract: *the article raises the problem of heterogeneity of S. Kierkegaard's creativity. The thinker divided his works into aesthetic and religious ones and explained that they were designed to perform different tasks, and the difference of points of view expressed in them had specific meaning. Based on a comparative analysis of the image of Job the Long-suffering in the «Repetition» and «Four Upbuilding Discourses» of 1843, the article introduces the reader to the peculiarities of the aesthetic and religious lines of S. Kierkegaard's authorship.*

Key words: *aesthetic authorship, religious authorship, comparative analysis, perspectivism.*

С творчеством великого датского мыслителя Сёрена Кьеркегора российский читатель в основном знаком по переводам его так называемых «псевдонимных сочинений», таких как «Или – или» (пер. Н. Исаевой и С. Исаева) [1], «Повторение» (пер. П. Ганзена под ред. Д. А. Лунгиной) [2], «Страх и трепет» (пер. Н. Исаевой и С. Исаева) [3], «Понятие страха» (пер. Н. Исаевой и С. Исаева) [4]. Выбор этих произведений для перевода более чем оправдан, поскольку идеи, высказанные именно в них, оказали неопределимое влияние на западную философию XX в. Несмотря на то что также доступен перевод и «Заключительного ненаучного послесловия к “Философским крохам”» (пер. Н. Исаевой и С. Исаева; пер. Т. Щитцовой) [5–6] – одной из ключевых работ Кьеркегора по проблеме феномена его псевдонимного авторства, – у нас в стране датский мыслитель ассоциируется прежде всего с сочинениями, которые он сам называл «эстетическими» и издавал под различными псевдонимами. Псевдоним в творчестве Кьеркегора – это не имя, за которым скрывается он сам, а скорее персонаж, со своим характером и мировоззрением, – вопрос, вы-

ражает ли он свою точку зрения или точку зрения Кьеркегора. Эти авторы-псевдонимы комментируют не только друг друга, но и самого Кьеркегора. В связи с этим первостепенное значение имеет вопрос о смысле псевдонимии. Если псевдонимные произведения не выражают позиции Кьеркегора, то российский читатель в большинстве своем не имеет адекватного представления о творчестве и личности датского философа.

В работах «О моей писательской деятельности» и «Точка зрения на мою писательскую деятельность» Кьеркегор объясняет, что начал создавать псевдонимные сочинения, такие как «Страх и трепет», для того чтобы привлечь внимание читателя. По мысли философа, по мере выхода новых псевдонимных произведений, посредством внедрения в них всё большего объема религиозных категорий, читатель должен был незаметно прийти к тому, что Кьеркегор понимал под истинным христианством, – к религиозному экзистированию, – продолжая этот путь от одной псевдонимной работы к другой, как по ступеням. «Назидательные беседы» Кьеркегор издавал параллельно известным нам эстетическим псевдонимным сочинениям, чтобы показать разницу между эстетическим и религиозным образами существования. Эстетические сочинения выражали точки зрения выдуманных авторов-псевдонимов, а «Назидательные беседы» – точку зрения самого Кьеркегора. С 1846 г. мыслитель издавал другие религиозные работы («Дела любви», «Упражнения в христианстве»), которые являются такими же ключевыми в его творчестве, как и псевдонимные сочинения. Мыслитель подписывал их либо собственным именем, либо псевдонимом Анти-Климакус, который был призван олицетворять идеального христианина, каким видел его Кьеркегор [7]. Из религиозных работ на русский переведены только «Болезнь к смерти» (пер. Н. Исаевой и С. Исаева) [8] и несколько сборников «Назидательных бесед» (пер. А. Лызлов) [9–11].

Проведение параллелей между псевдонимными работами и парными им «Беседами» является одним из плодотворных методов исследования сложного переплетения тем и концептов у Кьеркегора и его псевдонимов. Не обязательно, что «Назидательные беседы» непременно должны иметь сходные с парной псевдонимной работой мотивы. Чаще всего они имеют с ней общий фон, в котором эстетическое и религиозное сознание видит свое. Возможно, это связано с тем, что во время создания этих парных сочинений в каждом из них, по своему преломляясь, отражались волновавшие тогда Кьеркегора проблемы. В «Трех назидательных беседах» 1843 г. он пишет: «...что человек видит, коренится в том, как он видит. Всякое смотрение не есть простое вняtie, обнаружение; оно одновременно и творчество, а потому решающим оказывается то, как есть сам смотрящий. Когда в одном и том же один видит одно, а другой – другое, тогда первый открывает то, что второй сокрывает. ...чем более то, что рассматривается, принадлежит духовному миру, тем более важно то, как сам человек есть в своем духовном существе...» [10, с. 106].

«Повторение» опубликовано в один день со «Страхом и трепетом» – 16 октября 1843 г. В тот же день были изданы и парные им «Три назидательные беседы».

дательные беседы». Практически через два месяца, 6 декабря 1843 г., вышли «Четыре назидательные беседы». Оба сборника «Бесед» имеют с «Повторением» и «Страхом и трепетом» тот самый общий фон – тем или иным образом в этих произведениях рассматриваются проблемы рока и бессилия человека перед ним, однако в «Четырех назидательных беседах» мы можем обнаружить прямую параллель с «Повторением». В обоих сочинениях раскрывается образ Иова Многострадального. Проанализируем эти два взгляда на великого праведника и посмотрим, как различаются работы эстетической и религиозной линий, псевдонимные работы и работы, которые Кьеркегор подписывал своим именем.

В одной из «Четырех назидательных бесед» Кьеркегор рассуждает об Иове Многострадальном. Она имеет название «Господь дал, Господь взял — благословенно имя Господне» и, таким образом, представляет собой комментарий писателя к этим словам праведника (Иов 1:21 [12, с. 192–223]). Кьеркегор восхищается силой веры Иова, которая позволяет ему всё принимать от Бога с благодарностью, даже самую страшную потерю: «В мгновение, когда Господь взял всё, он говорит сначала не: Господь взял, — но прежде говорит: Господь дал. ...душа Иова не сжимается в немой горестной покорности, но его сердце сперва расширяется в благодарении; что потеря всего в первую очередь делает его благодарным Богу за то, что Он дал ему благословение, которое теперь от него взял» [10, с. 205]. Он смог остаться внутренне свободным, несмотря на происходящее с ним: «Он [Иов] не скрывал от себя, что всё у него было взято, и потому Господь, взявший всё это, вновь присутствовал в его открытой душе. Он не бежал от мысли о том, что всё это было потеряно, и потому его душа утихала, чтобы Божие просвещение вновь посетило ее и нашло ее доброй землей, возделанной в терпении» [там же, с. 211]. В некотором смысле Иов смог остаться прежним, сила духа помогла ему не сломаться: «А значит, Господь взял не всё, ведь Он не взял у Иова ни хваление, ни мир сердца, ни чистоту в вере; и близость Божия была с Иовом, как и прежде, — быть может, даже глубже, чем раньше, ведь теперь не оставалось ничего, что могло бы хоть как-то увести от нее мысль Иова» [там же, с. 217]. Иов, как и Авраам в «Страхе и трепете», в своем страдании оказался за пределами всеобщего, и в этом зависании этического приобрел ту значимость для Бога в качестве единичного, которую обретает человек на религиозной стадии существования: «...Иов в своем слове победил мир, оказался в своем слове больше, сильнее и могущественнее всего мира, который хотел не ввести его в искушение, но победить своей силой, принудить его пасть ниц перед его безграничной мощью» [там же, с. 216]. Для Кьеркегора в «Беседах» Иов – это истинно верующий праведник, который не только стойко вынес посланные ему лишения и страдания, но и, несмотря на них, сохранил в своем сердце искреннюю любовь к Богу.

В «Повторении» псевдонимный автор книги Константин Констанций рассказывает о своем новом знакомом – молодом человеке, имени которого не называет, – и знакомит читателя с его историей. Юный герой

влюбляется в девушку и заключает с ней помолвку, однако в скором времени осознает, что он не готов к браку, поскольку он – поэт, и потому не может выразить свою любовь таким образом. Возлюбленная могла быть для него только музой, но не женой. Прозорливый Константин Констанций сразу замечает это и с интересом ждет дальнейших действий своего юного друга. Вдруг молодой человек исчезает, и через некоторое время Константин получает от него письмо, в котором тот рассказывает ему, что не стал объясняться с девушкой и сбежал в другую страну. Герой продолжает посылать Константину письма, в которых делится своими переживаниями. Он страдает, и за утешением обращается к Иову. Для него великий праведник – это бунтарь, который, волею судьбы оказавшись за пределами всеобщего, бросает ему вызов: «...им <Иовом> явлен пример чудовищного бунта строптивых сил необузданной страсти» [2, с. 100–101]. Молодой человек считает себя таким же страдальцем и с помощью ветхозаветной истории об Иове пытается осознать происходящее с ним: «Что если бы у меня не было Иова! <...> Каждое слово Иова меня питает, прикрывает, врачует мою измученную душу. Одно слово выводит меня из состояния летаргии, пробуждает душу для новых тревог, другое утишает бушующее во мне бесплодное неистовство, кладёт конец ужасу немых судорог волнения» [там же, с. 94]. Иов для него не просто бунтарь, но и заступник за всех невинно страдающих: «Нет, ты в дни своего благополучия был мечом угнетенных, посохом согбенных; не изменил ты людям и когда всё рушилось; ты развязал уста страдальцам, облегчил стоном сердца сокрушенных, подбодрил воплем души охваченных страхом, вернул голос тем, кто онемел от мук, явился верным свидетелем всякого горя и всех терзаний, могущих внедриться в сердце, надежным ходатаем, который осмеливается жаловаться “в горести души своей” и спорить с Богом» [там же, с. 87]. Иов дарует свой голос всем, кто оказался вне всеобщего и тем самым потерял возможность говорить и быть услышанным.

Из писем героя Константину мы можем понять, что юноша стоит на границе между этическим-всеобщим и религиозным, будучи не в силах ни сделать шаг назад, во всеобщее, ни сделать шаг вперед, к религиозному, дух молодого человека слишком смущен, чтобы ясно разобраться в происходящем с ним. Обращение к истории Иова Многострадального было его интуитивной попыткой сделать это. Молодой человек понимает, что стал исключением из всеобщего и «завис» вне его. Он верно осознает тот факт, что быть исключением не обязательно значит быть виновным: «Тайна Иова, его жизненная сила, нерв, идея его – в том, что он был прав. <...> Он утверждает, что в ладах с Богом, невинен и чист в душе, что и Бог того же мнения, – хотя бы всё существование доказывало обратное» [там же, с. 97].

Может показаться, что интерпретация образа Иова Многострадального Кьеркегором в «Беседах» противоречит интерпретации молодого человека в «Повторении», однако это не совсем так. С точки зрения юно-го героя, знаменитые слова Иова имеют негативную окраску: «О Иов!..

Неужели ты так и не сказал ничего, кроме тех прекрасных слов: “Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно имя Господне”? Неужели ты не сказал ничего больше? <...> Или ты не можешь, не смеешь сказать больше официальных утешителей, которые на манер чопорных церемониймейстеров предписывают человеку повторять в беде своей: “Бог дал, Бог и взял, да благословенно имя Господне” – ни больше, ни меньше, как принято, например, говорить чихающему “будь здоров”?» [там же, с. 86–87]. Находясь в разном положении на лестнице стадий человеческого существования, юный герой и Кьеркегор, как автор «Четырех назидательных бесед», смотрят на праведника с разных точек зрения и выделяют в его истории разные моменты. Для выпавшего из всеобщего молодого человека, находящегося, таким образом, в пограничной ситуации, слова Иова олицетворяют равнодушие всеобщего к исключению и особенности его ситуации. С этой позиции всеобщего к Иову обращались его друзья: «И вот, мне представляется, что это собрались злые люди, которые причинили Иову всё его горе, что это его друзья сидят и глумятся над ним» [там же, с. 96]. Для Кьеркегора слова Иова имеют ценность, потому что выражают его внутреннее: «...но само это высказывание не может служить руководством, и Иов значим не тем, что он это сказал, но тем, что соблюл это на деле» [10, с. 194]. В беседе Кьеркегора слова Иова рассматриваются как слова человека, пережившего трагедию и нашедшего в себе силы пойти дальше, в беседе не упоминается о бунте праведника. Кьеркегор обращается к части Книги Иова, которая предшествует его ропоту, однако автор беседы вкладывает в знаменитые слова Иова смысл всей книги: «Иов не просто победил мир, но совершил то, чего желает Павел своей пребывающей в борении общине: он, всё преодолев, устоял» [там же, с. 216]. Кьеркегор переносит смысл, который Иов вложил бы в свои слова после ответа Бога, в те же самые слова, которые он говорил, когда несчастья только начали приключаться с ним одно за другим, – слова одни и те же, но смысл их кардинально разный, кардинально разные экзистенциальные состояния они выражают. Молодому человеку в «Повторении» не так уж это чуждо: «При всём упорстве Иова ясно видны любовь и доверие к Богу – и уверенность в том, что уж Бог-то может объяснить всё, лишь бы удалось вызвать его на беседу» [2, с. 98–99]. Юный герой считывает религиозный смысл ветхозаветной книги, просто экзистенциально он находится в той ситуации, в которой для него первостепенное значение должен иметь бунт Иова как бунт исключения перед всеобщим.

Беседа Кьеркегора об Иове не только показывает цель движения из эстетического в религиозное, но и является гипотетическим развитием точки зрения молодого человека из «Повторения». Явная параллель между эстетической псевдонимной работой и сопутствующими ей «Назидательными беседами» наглядно демонстрирует перспективизм Кьеркегора, который наблюдается в его работах: в сочинениях разных авторов-псевдонимов мы наблюдаем разное прочтение тех или иных тем, зависящее от мирозерцания псевдонима, носителем которого со-

здал его Кьеркегор. Если «Повторение» было призвано быть ступенью на пути к религиозному экзистированию, то «Беседы» должны были ясно указывать на эту стадию человеческого существования.

Литература

1. *Кьеркегор С. Или – или* / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2014. – 775 с.
2. *Кьеркегор С. Повторение* / С. Кьеркегор. – М. : Лабиринт, 1997. – 158 с.
3. *Кьеркегор С. Страх и трепет* / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2014. – 154 с.
4. *Кьеркегор С. Понятие страха* / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2012. – 217 с.
5. *Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»* / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2014. – 607 с.
6. *Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»* / С. Кьеркегор. – Минск : И. Логвинов, 2005. – 752 с.
7. *Kierkegaard S. The Point of View* / S. Kierkegaard. – Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 1998. – 352 p.
8. *Кьеркегор С. Болезнь к смерти* / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2012. – 157 с.
9. *Кьеркегор С. Беседы* / С. Кьеркегор. – М. : Свято-Владимирское изд-во, 2009. – 288 с.
10. *Кьеркегор С. Девять бесед 1843 года* / С. Кьеркегор. – М., 2016. – 324 с.
11. *Кьеркегор С. Евангелие страданий* / С. Кьеркегор. – М. : Свято-Владимирское изд-во, 2009. – 304 с.
12. *Книга Иова // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.* – М., 2014. – С. 501–524.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

*Фаустова Н. В., аспирант кафедры истории зарубежной философии
E-mail: psiheya7777@mail.ru*

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

*Faustova N. V., Post-graduate Student of the Foreign Philosophy Department
E-mail: psiheya7777@mail.ru*